

Вызовы глобализации

Глобализация – основной вызов нашего времени. Вызванная к жизни новой фазой технологической революции, она приобрела системный характер, охватив все сферы природы и социальной жизни. По сути, глобализация означает формирование нового способа производства и социального порядка. В свою очередь, системные глобальные трансформации породили каскад всеохватывающих социальных изменений в разных сферах экономической, политической и социальной жизни в регионах, городах и местных сообществах. Переход от второй технологической революции к третьей приведет к появлению новых рисков и вызовов, включая сетевые и национальные научные сообщества.

Главными особенностями текущего процесса глобализации является его нелинейный характер, сопровождающийся поворотами, бифуркациями и непредсказуемыми последствиями. Создание всеохватывающих информационных сетей произвело эффект «инверсии пространства», который, в свою очередь, открыл дорогу массовому перемещению по миру всех видов ресурсов: природных, человеческих, информационных, научных и т.д. Глобализация также сформировала интегрированные системы, в которых социальные, биологические и технические структуры и процессы практически неразделимы. Поэтому деление на «природу» и «общество» стало весьма условным. Процессы социализации индивида приобрели перманентный характер. Однако до тех пор, пока капиталистическое производство будет существовать в его нынешней форме, глобальные правила игры будут доминировать над местной спецификой. Соответственно, глобальные сетевые и мобильные структуры таких коллективных агентов, как транснациональные корпорации и временные альянсы, будут иметь преимущество перед национальными государствами и другими территориально организованными институциями и организациями. Глобализация не устраняет существующие проблемы и противоречия глобального или местного характера, она выгодна для одних и разрушительна для других. Неравенство и несправедливость сохраняются, приобретая иные формы.

Чтобы справиться с этими вызовами, научное сообщество должно объединить свои усилия. Перед российским научным сообществом стоит многосторонняя задача. Оно должно разработать средства для получения максимальной выгоды от процесса глобализации, одновременно минимизируя его риски и негативные последствия. Прежде всего, эти объединенные усилия должны быть направлены на преодоление существующих междисциплинарных и институциональных барьеров, развивая проблемно-ориентированные междисциплинарные исследования процессов глобализации. Другой актуальной задачей является поворот к методам мониторинга и моделирования интегративных глобальных процессов. Необходимо преодолеть критическое отставание по времени научных исследований от динамики глобальных процессов. В этом отношении обнадеживающий сигнал пришел из ЮНЕСКО. В конце 2016 г. было принято решение о слиянии двух международных научных организаций – Международного союза социальных наук и Международного совета научных союзов.

Challenges of Globalization

Globalization is the main challenge of our times. Initiating by the new stage of technological revolution, globalization process acquires systemic character embracing all spheres of natural and social life. Actually, the globalization means shaping of the new mode of production and social order. In turn, these global systemic transformations generate an all-embracing cascade of changes in various spheres of economic, political and social life in regions, cities, and communities. The shift from the Second to the Third Technological Revolution will generate new challenges and problems for scientific community accordingly.

The major features of current globalization are its nonlinear character accompanied with twists, bifurcations, and unintended consequences. The construction of all-embracing information network system generates the phenomenon of 'inversion of space', which in turn gives way to mass movement of all kinds of resources: natural, human, informational, political, etc. across

the globe. The globalization shaped new forms of integrated phenomena in which social, natural and technological processes and structures are inseparable. Therefore, the division on 'social' and 'natural' structures and processes has become conditional. A socialization process acquires permanent character. Until the capitalist mode of production exists in its current form, the global rules of the game will dominate over local specificity. At the same time, the global mobile and network structured collective actors, such as transnationals and temporary alliances will have an advantage over states and other territorially based organization and institutions. Globalization did not remove any existing issues of global or local character. It is favorable for ones, and destructive for others. The inequalities and injustices remain but acquire new forms. In order to cope with these challenges a scientific community should enhance its joint efforts. The overall task of Russian scientific community is multi-sided. It has to develop the instruments for gaining maximum 'goods' from the inclusion into this global 'turnover', and to minimize risks of its negative consequences. The joint efforts mean, first off, the overcoming of existing disciplinary and institutional barriers and turn to problem-oriented and interdisciplinary studies of globalization processes. Another important task is the turn towards methods of monitoring and modelling of global processes. Finally, it is necessary to overcome the critical time lag of research from the dynamics of global processes. In this respect, the good signal came from the UNESCO. In the end of the 2016, the decision has been taken to merge the International Social Science Council and the International Council Scientific Union.

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; oleg.yanitsky@yandex.ru)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И «ГОРОДСКИЕ ВОЙНЫ»

Аннотация. В статье анализируется феномен современных «городских войн» в условиях перехода от второй к третьей научно-технологической революции (НТР). Ее многосторонний характер, относительность таких привычных понятий, как война и мир, информационные войны, рост значимости их гуманитарной составляющей, разрушение приватности индивидуальной жизни – таковы главные ее темы. «Городские войны» являются не только проявлением, но и усилением этих сторон вследствие их «сжатия» на ограниченном городском пространстве. Автор квалифицирует этот эффект как предельно высокую критическую ситуацию.

Ключевые слова: глобализация, «городская война», информация, мир, права человека, сети, технологическая революция

О трендах глобализации

1. Эволюция мир-системы, непрерывно ускоряясь, становится все менее стабильной и поэтому мало предсказуемой. Главное качество этой эволюции – ее динамическая непрерывность. Поэтому различные «стадиальные» (фазовые) подходы, т.е. объяснение этой эволюции через смену формаций, теряет смысл, так как сегодня все связано со всем и все на все влияет. Инструментом этой глобальной взаимосвязи и влияния являются информационные и ресурсные сети. Именно их наличие позволило мигрантам из Африки или Ближнего Востока проложить путь в Европу и придало этому потоку необратимый характер. Воздействие на массовое сознание посредством СМИ, нелегальных групп, эмиссаров от радикальных движений или вербовщиков сегодня не менее важно, чем военные маневры или выдвигание воинских формирований на «передовые рубежи». Формирование глобального сетевого социального порядка требует адекватного аналитического инструментария.

2. Мотором этой непрерывной глобальной динамики является триада «научно-

технические инновации — экономика — политика». Понятие непрерывности используется здесь как генерализующий термин, потому что замедления-ускорения, скачки и бифуркации глобальной динамики сопровождают ее постоянно.

3. В отечественной и западной социально-политической литературе продолжает господствовать противопоставление «мира» и «войны» как двух качественно различных состояний социальных систем. В действительности сегодня это два тесно связанных между собой процесса или, точнее, двуединый процесс.

4. Поскольку мир находится в стадии перехода от второй к третьей НТР, все участники процесса глобализации одновременно производят и используют старые и новые средства борьбы. Но постепенно мир все более смещается в сторону гонки «мирных вооружений», т.е. в сторону научно-технического соревнования, кибератак и медийных войн.

5. Эти атаки столь же беспощадны, как и «обычные» военные действия. Показательно, что военные теоретики первыми назвали информационные войны новым средством глобальной динамики.

6. Названные сдвиги нашли свое прямое отражение в политике. Ведущие западные политики, политологи и социологи практически не употребляют термин «война», предпочитая говорить о неравенстве, технологическом соревновании, развитии систем защиты от хакерства и других формах информационной войны.

7. Тем не менее многие виды «электронного оружия» не менее опасны, чем ядерное или бактериологическое оружие, прежде всего потому, что их производство гораздо дешевле и не имеет таких побочных эффектов, как заражение огромных территорий в стране-производителе или обвинение в геноциде. Это производство чрезвычайно компактно, и его локализацию гораздо труднее вычислить. Далее, возник феномен, именуемый «силой слабости». Простейшую хакер-атаку может осуществить рядовой пользователь Интернета и даже преступник, отбывающий наказание в колонии общего режима. Коэффициент интеллекта (*intelligence quotient, IQ*) потенциального хакера непрерывно снижается. Если хакера засекли, то он быстро меняет свое местоположение, полностью заменяет «начинку» своего смартфона и т.д.

8. Почему же тогда информационные атаки на АЭС или ключевые объекты жизнеобеспечения пока редки? Этому есть два объяснения. Во-первых, подобные объекты хорошо защищены от таких атак. Но главное — в том, что современные информационные атаки рассчитаны на медийный эффект, чем сейчас и занимаются наши «партнеры». Они не столько борются с международным терроризмом, сколько стараются обвинить Россию в неоправданном применении силы.

9. Еще одной проблемой является соревнование открытости и закрытости. С одной стороны, информационная война потенциально делает все сферы человеческой деятельности, включая самые интимные, открытыми для всеобщего обозрения. Но одновременно развивается информационная индустрия, производящая средства защиты индивидуальной и общественной жизни, включая целые территории. Дроны (беспилотные летательные аппараты) используются для картирования охраняемых территорий, а средства информационной защиты или уводят их по ложным адресам (используя метод подмены координат), или их навигаторы блокируются, или же они нейтрализуются силовым образом. В США, например, помимо правительственных зданий, закрыты для картирования все национальные парки, штат Невада, часть штата Калифорния и многие другие объекты. Но в любом случае «охота» за адресами вилл и яхт богачей — весьма прибыльное дело как для самих «охотников», так и для СМИ. Современная война — это война хакеров, дронов и других информационных субъектов.

10. Как показали войны в Ираке, Ливии и Сирии, там возникли множественные узлы международных противоречий, которые, с точки зрения англо-саксонского мира, нельзя было разрешить приемами информационной войны. Но как только Россия начала в Сирии реальную борьбу с террористами, США стали использовать гуманитарные организации в качестве инструмента формирования международного общественного мнения, чтобы настроить его против РФ.

11. США и их союзники используют многостороннюю тактику, сочетающую политику угроз и односторонних санкций, мобилизацию против РФ своих союзников по НАТО и такую же мобилизацию общественного мнения как своих граждан, так и международной общественности.

Особенности глокальных войн

1. Само понятие «война» приобретает множественный смысл. В Сирии РФ ведет военные действия по просьбе законного правительства, США и другие западные страны рассматривают официальную сирийскую власть как преступную, третьи хотят расширить зону своего влияния, четвертые хотят добиться автономии. Напомню, что в условиях глобализации-сетевизации понятия «фронт» и «тыл», «здесь» и «там» становятся относительными, ситуативными. Так, США, с одной стороны, стремятся минимизировать угрозу террористических атак внутри своей страны, с другой – используют ИГИЛ¹ для давления на своих оппонентов и свержения неугодных им режимов, а также для поддержания международной напряженности и оправдания роста военных расходов и т.д.

2. Суть современной «городской войны» состоит в том, что она ведется в высокоинтегрированной среде, в которой природные, социальные и технологические компоненты неразделимы. Мирное население городов, их особо опасные инфраструктурные элементы (химические предприятия, системы водоснабжения) являются одновременно их наиболее уязвимыми элементами, «щитом» и валютой для политического торга. Потери среди мирного населения в такой войне неизбежны. Вот почему я предложил рассматривать мир-систему как социобиотехническую систему (СБТ-систему) [Яницкий 2016].

3. «Городские войны» – это всегда большой бизнес, поскольку они приносят прибыль как ТНК, так и простым людям (сокращение безработицы). Кроме того, планета настолько плотно «расчерчена» сетью транснациональных трубопроводов, что любая такая война неизбежно затрагивает интересы мировых или региональных держав. Но эти войны приносят также прибыль их непосредственным участникам. Так, экс-командир батальона «Айдар», а ныне депутат Верховной рады Украины Сергей Мельничук заработал 39 млрд долл. за 2015 г.² Подлая суть этого торга состоит в том, что его главной валютой является мирное население. Торг имеет две стороны. Одна – это переговоры относительно выкупа за отпущенных заложников, причем без всяких гарантий! Другая сторона – это использование международных правозащитных и других организаций для давления на любого участника вооруженного конфликта. Кто устанавливает «правила и нормы» возможных потерь среди мирного населения? В условиях современной «городской войны» точно подсчитать число жертв, скажем, после конкретного артобстрела невозможно физически. Поэтому всегда есть возможность исказить цифру за счет потерь от других причин – от ран, болезней и т.д. Это еще одно подтверждение тому, что современная «городская война» – прибыльное дело. Однако площадка для политического торга не менее важна, особенно когда сотрудничество между РФ и странами, входящими в НАТО, резко сократилось.

¹ Деятельность этой организации в России запрещена.

² РИА-Новости, 30.10.2016

По мнению российских аналитиков, Сирия сегодня остается главной «переговорной площадкой» между РФ и названными странами.

4. Сегодня процесс «сепарации», т.е. отделения умеренной сирийской оппозиции от радикалов и террористов, — камень преткновения на пути политического урегулирования. Но вот что утверждают «инсайдеры»: «...любые оппозиционеры — это наши дети и братья, это наш дом и наша общая земля, и мы отсюда никуда не уйдем!» Где гарантии, что, выйдя на оперативный простор, «умеренная оппозиция» не превратится в радикальную силу? И вообще, что значит «умеренная», каковы ее критерии? Мировая история полна примеров «переманивания», мимикрии и т.п. И самое главное: все стороны понимают, что с ними считаются, только пока они представляют собой силу. Как только они сложат оружие, они исчезнут с политической арены. К тому же участники этого торга неоправданно принижают роль религиозных, территориальных и этнокультурных факторов в формировании критических ситуаций.

5. В существующей ситуации чрезвычайно важен глобальный контекст «городских войн». На Ближнем Востоке они разворачиваются в условиях нарастающего социально-экономического и политического хаоса в макрорегионе, охватывающем собственно Ближний Восток, часть Азии и Северную Африку. До вторжения в Ирак, Сирию и Ливию войск западной коалиции в этих странах господствовали диктаторские и авторитарные политические режимы. Да, репрессии в отношении коммунистов и других партий и группировок в этих странах были, но их масштаб несравним с современной ситуацией «кровавого хаоса». Кроме того, лидеры авторитарных политических режимов соблюдали международные договоренности относительно неприкосновенности транзитных трубопроводов. То, что сегодня часть офицерского корпуса бывшей армии Ирака воюет на стороне ИГИЛ¹, уже не является секретом. Специфика ситуации хаоса в том и заключается, что внешний наблюдатель не имеет инструментов для оценки степени утраты «порядка» и его общей динамики. Более того, те, кто создал этот хаос, также не могут им полноценно управлять. У них есть выбор: или же тотально «зачистить» всю эту территорию, или же существовать в этой хаотизированной среде, охраняя от нее лишь узкие полоски земли, по которым идут нефтепроводы. Но и этот вариант сомнителен, поскольку в целом Ближний Восток перенасыщен сетью транснациональных нефтепроводов.

6. Чрезвычайную важность представляет и социально-политический контекст «городских войн». За годы существования ООН и ее организаций был разработан огромный корпус документов и организаций-исполнителей по самым разным направлениям международной политики. В свою очередь, эти организации комплектовались под надзором США и их союзников и принимали документы и решения, соответствующие интересам этих стран. Влияние США сказывалось прежде всего в том, что лидеры США считают себя «избранной нацией» (*Pax Americana*), которая вправе единолично вершить судьбу собственных граждан и мира в целом. Вот характерная позиция современного «независимого журналиста» из США: «если бы мы не уничтожили индейцев, США просто бы не было»². Сегодня международные, правозащитные и другие организации используются США для формирования мирового общественного мнения и давления на тех, кто имеет собственный взгляд на устройство глобального мира.

7. Главным инструментом социальной политики стали гуманитарные акции. Если раньше они означали прямую помощь пострадавшим от конкретного конфликта (раненым, больным, престарелым, детям) вне зависимости от того,

¹ Деятельность этой организации в России запрещена.

² Программа НТВ «Место встречи изменить нельзя», октябрь 2016 г.

были ли они ранее военными или гражданскими лицами, то сегодня гуманитарная помощь стала политическим инструментом в борьбе противоборствующих сил. Так, «гуманитарная пауза» может использоваться как в качестве «окна» для доставки гуманитарной помощи, так и для перегруппировки противостоящих сил, снабжения их оружием и боеприпасами и т.д. Военные аналитики утверждают, что сегодня воевать в городской среде без жертв – нереально. Это, в свою очередь, означает, что проблема ответственности стала в последние годы полем жесткой конфронтации между странами, их союзами и отдельными группировками. И вопрос об ответственности теперь решается не после «окончательной победы», а после каждого авиаудара, боя и даже убийства отдельного лица, например военного корреспондента, находившегося во фронтовой полосе по долгу службы. А границ между фронтом и тылом сегодня нет. Неопределенность понятия «ответственность» создает почву для всевозможных спекуляций. Вообще, по сравнению со Второй мировой войной, мир стал гораздо более чувствительным к моральной стороне войны, что, правда, не мешает убивать десятки людей, если сведения об этом не стали достоянием СМИ.

8. В войнах прошлого тактика противостоящих сил всегда вытекала из стратегии и подчинялась ей. Сегодня тактика и репертуар действий приобрели самоудовлетворяющее значение. Альянс США–НАТО ведет затяжную маневренную войну по многим направлениям сразу с целью поддержания максимального уровня международной напряженности и локальной неопределенности, т.е. во множестве «горячих точек», посредством перекачивания отрядов боевиков из одной критической зоны в другую. США воюют на Ближнем Востоке, главным образом, силами «колониальных армий». Более того, я бы сказал, что эта великая держава ведет там неоколониальную политику руками местных «ополченцев», ряды которых постоянно пополняются молодыми безработными. (По некоторым подсчетам, с 1950 г. население Сирии увеличилось в 7 раз!) Тактика мобильной войны адресована в первую очередь Китаю, РФ и странам БРИКС. Наконец, в современной тактической войне появился новый инструмент – демонстративное ведение военных действий с целью сохранения историко-культурных ценностей, как, например, в Пальмире.

9. Весьма важен и вопрос об эволюции таких «критических точек». Раньше политики полагали, что главная задача – это разрешение конфликта путем примирения сторон, нахождения компромисса или ликвидации его последствий (аварии или катастрофы). Эти задачи сохраняются, но ключевой вопрос заключается в перспективе: что будет потом? Некоторые российские эксперты, анализируя ситуацию в Алеппо, заключили, что главные проблемы еще впереди. Одни полагают, что если РФ уйдет из Сирии, что там начнется гражданская война, потому что если сейчас сирийские войска при поддержке российских ВКС контролируют ситуацию, то в случае их ухода существующая конфронтация между разными местными силами резко возрастет. Прогноз других еще более серьезный: если удастся «нейтрализовать» террористов и поддерживающие их силы, то прямая конфронтация РФ и США станет более вероятной. Некоторые эксперты прямо утверждают, что исчезновение ИГИЛ – это война. Иными словами, эти эксперты рассматривают подобные глобальные конфликты как некоторый «буфер» между главными ядерными державами. Третьи обращают внимание на уже известный нам по конфликту на Донбассе факт: внутри него есть «темные силы» – люди не определившиеся, без четкой идеологической позиции и т.д., которые могут быть и «за» и «против» всех¹. После окончания военных действий

¹ Российская программа ТВЦ «Право голоса». 25.10.2016.

в Афганистане произошел гигантский выброс «энергии распада» в виде тысяч голодных и безработных, пошедших воевать в страны Ближнего и Среднего Востока и Африку. После ряда неудач (во Вьетнаме и других странах) США сменили тактику ведения колониальных войн. Теперь они ведут их посредством специальных операций. Война официально не объявляется, большие воинские контингенты в зоны вооруженных конфликтов не направляются. По существу, военные действия ведутся «чужими руками» и под видом «помощи». Местные боевики используются США также для внутренних карательных операций.

«Городские войны» как квинтэссенция критической ситуации

Современная война в Алеппо, Мосуле и других городах Сирии и Ирака — это не *guerilla* и не «партизанская война», как полагают некоторые аналитики¹. Это именно критическая ситуация, от которой остается всего один-два шага до полномасштабной войны «всех против всех». Как выразился российский военный аналитик К. Сивков, нам грозит превращение сирийской войны в противостояние глобальных центров силы, грозящее переходом в ядерную фазу [Сивков 2016: 4]. В «городских войнах» нет классического противопоставления «мы — они», в них участвуют множество сил разной идеологической ориентации, степени вооруженности, радикализма, зависимости от воли глобальных стейкхолдеров и т.д., и т.п.

Участники таких войн воюют не только против США, РФ или каких-то региональных держав, но и друг против друга. Сами участники суть не только регулярные войска, но по большей части местные повстанцы, наемники, «дикие гуси» и другие *ad hoc* вооруженные формирования. Если такая война приобретает затяжной характер, то происходит сращивание всех типов сил, в ней участвующих: внешних интересантов, комбатантов, мирных жителей и посредников (маркитантов). Это означает, что «городские войны» суть локально-глобальные, а потому ситуативные, что делает проблематичными усилия внешних сил (ООН и других международных организаций) в их попытках отделить умеренных от радикальных, мирных жителей от участников боевых действий, тайных и явных интересантов в исходе подобных войн. В критической, быстро меняющейся ситуации невозможно осуществить «конечные решения», принятые внешними силами [Misslewitz, Weizman 2003].

Данная война идет в трех сферах: наземной, подземной и воздушной (аэрокосмической). Но это чисто пространственная ее репрезентация. В действительности она идет во всех мыслимых пространствах: историческом, современном и «прожективном» и ведется самыми разными средствами — политическими, экономическими, телекоммуникационными, военными, химическими, биологическими и многими другими. Одни ее участники апеллируют к вековым религиозным догматам, другие пропагандируют ценности потребительского общества, третьи вообще считают, что *Pax Americana* это — идеальная модель мироустройства, к которой все должны стремиться.

«Городская война» есть война средовая, и это принципиальный пункт. Все элементы городской среды суть одновременно средство защиты и нападения, тактических маневров, «товар» для мирных переговоров и т.д. Но дело здесь не только в рельефе местности, стенах, памятниках культуры, коммуникациях или подземных ходах. Чем дольше продолжается такая война, тем быстрее эта среда обесценивается. И если коммуникации жизнеобеспечения можно восстановить, то вернуть историко-культурную ценность этой среды практически невозможно. Такая война уничтожает «дух города» (К. Маркс). Поэтому я квалифицирую

¹ Латынина Ю. Эхо Москвы, 29.10.2016.

такие войны как «разрушители цивилизации», и в этом их главный критический смысл.

Выделим момент подвижности и одновременно сжатия локальной геополитической ситуации. Силы, в ней находящиеся, не только непрерывно меняют свой состав, позиции, тактику борьбы и т.д., но и переходят с одной стороны на другую, образуя временные союзы и коалиции, торгуются относительно зон влияния и разграничительных линий между ними. То есть, все мобильные элементы геополитической борьбы в макромасштабе воспроизводятся на ограниченном городском пространстве, и это «сжатие» действует разрушительно как на мирное население, так и на самих воюющих. Законы социального дистанцирования никто не отменял.

Силовой стороной трансформации городской среды является постепенное формирование «инфраструктуры войны». Население полностью лишается привычной среды и образа жизни и переходит в состояние тотальной зависимости от милости боевиков или внешних сил, а также от наличия скудных запасов и действий посредников. Они доставляют и продают товары первой необходимости, тайно выводят раненых из зоны боевых действий, организуют трафик торговли «живым товаром» и т.д. Это — тоже бизнес, но бизнес ситуативный, ненадежный и в значительной мере криминальный. Другим элементом этой инфраструктуры является доставка гуманитарной помощи или объявление «гуманитарной паузы». Но так или иначе темпо-ритмы перманентных боевых действий и самой критической ситуации на ограниченном пространстве разрушают социальную ткань этих городов.

Инструментом современной «городской войны» являются права и свободы их населения. Их трактовка международными неправительственными организациями находится под контролем США и ЕС. Но мирное население осажденных городов совершенно бесправно. Оно используется боевиками в качестве заложников или «живого щита», боевики могут выкинуть людей из города на произвол судьбы, грабить, убивать или превращать в «живой товар». В результате тотальная зависимость населения от суммы критических обстоятельств отрицательно сказывается на его здоровье и психическом состоянии. Оно не только страдает, болеет, гибнет, но и теряет свою идентичность. Даже те, кто выживает, потом годами не в состоянии оправиться от экстремального стресса [Human Adaptation... 1988]. Перед угрозой уничтожения часть мирных людей сами становятся боевиками, потому что это единственный способ остаться в живых. Особенно страдают дети, их психика нарушается на долгое время или ломается вообще.

Названные проблемы осложняются тем, что участники ближневосточного конфликта в этой среде руководствуются разными конфессиональными и моральными нормами (воюющие и обороняющиеся, разные группы комбатантов и мирного населения внутри осажденных городов типа Алеппо или Мосула). Кажется странным, что ни католическая церковь, ни православные христиане не выступили в поддержку христианского меньшинства, бедствующего в осажденных городах Ближнего Востока. Более того, в Европе даже нет единого антитеррористического центра, который бы отслеживал и поддерживал деятельность, направленную на защиту от терроризма. Во Франции после серии терактов до сих пор сохраняется чрезвычайное положение, но сегодня полицейские страны митингуют против собственного бедственного положения. Не менее удивительно, что там нет пока единой информационной базы, отслеживающей функционирование террористических сетей. Еще более странно, что современная западная социология устранилась от анализа современной критической ситуации, возникшей в результате террористической войны.

Выводы

В условиях глобализации грань между миром и войной все более стирается, эти два состояния становятся взаимозависимыми, а их влияние распространяется на все сферы общественной жизни. Борьба в материальной, виртуальной, социальной и гуманитарной сферах одинаково значима. Эта «гибридная война», порождая гигантский выброс энергии социального распада (бесправные, безработные, беженцы, вынужденные переселенцы), угрожает сложившимся социальным порядкам национальных государств, в т.ч. в сфере прав и свобод человека. Движущей силой названных перемен является триада «научно-техническая революция – экономика – политика». «Городские войны» ведутся во всех пространствах, интенсифицируя порождаемые риски вследствие эффекта их компрессии на ограниченном пространстве городских территорий. Однако общественные науки уделяют недостаточно внимания этому качественно новому состоянию критических узлов глобального социума.

Статья выполнена в рамках проекта «Социология критических состояний городских систем: теория и практика», грант РФФИ № 15-03-000-27.

Список литературы

Сивков К. 2016. «Калибр» в уме. Нервные срывы США в Сирии чреваты неприемлемыми потерями. – *Военно-промышленный курьер*. № 41(656). С. 1-4.

Яницкий О.Н. 2016. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы. – *Социологическая наука и социальная практика*. № 3. С. 5-22.

Misslewitz P., Weizman E. 2003. Military Operations as Urban Planning. – *Mute*. 28 August. URL: <http://www.metamute.org/editorial/articles/military-operations-urban-planning>

Human Adaptation to Extreme Stress. From the Holocaust to Vietnam (ed. by J. Wilson, Z. Harel, B. Kahana). 1988. N.Y. and London: Plenum Press. 397 p.

YANITSKIY Oleg Nikolaevich, Dr.Sci.(Philos.), Professor, Chief Researcher of Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Kezhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218, oleg.yanitsky@yandex.ru)

GLOBALIZATION AND URBAN WARS

Abstract. The article is aimed at the analysis of urban wars under conditions of the shift from the Second Technological Revolution to the Third one. Its main themes are its multilateral nature, relativity of such familiar concepts as war and peace, informational wars, the growing importance of their humanitarian component, the destruction of the privacy of individual life. Urban wars do not only resemble these features, but also strengthen them because of their compression on the limited urban space. The author classifies its effect as an extremely high critical situation.

Keywords: globalization, glocalization, human rights, information, networks, peace, technological revolution, urban war

---